



Оригинальная статья / Original article

УДК 930:355/359.07

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-112-126>

## Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г.

### Часть 2. Иркутское юнкерское училище (по материалам поездки А.Н. Куропаткина)

© Р.С. Авилов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

**Аннотация:** В статье на материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые впервые были введены в научный оборот, рассматривается положение дел в военно-учебных заведениях Забайкалья в 1899 году. Именно тогда состоялась поездка военного министра Российской империи А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ. Информация представляет собой большой научный интерес, так как визит имел место за четыре года до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. и менее чем за семь месяцев до мобилизации Сибирского военного округа (8 июля 1900 г.) в связи с Боксерским восстанием в Китае. Цель поездки Куропаткина – ознакомление с состоянием дел созданного незадолго до этого Сибирского военного округа, условиями жизни и боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, сбор материала для разработки планов дальнейших военных преобразований в Сибири и обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по Транссибирской железной дороге, Куропаткин осмотрел войска крупнейших сибирских гарнизонов: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, а также расположенные в них военно-учебные заведения. В Иркутске он посетил приготовительную школу Сибирского кадетского корпуса и юнкерское училище. В статье публикуются наиболее подробные (из известных к настоящему времени) описания жизни и образовательного процесса в Иркутской приготовительной школе Сибирского кадетского корпуса и юнкерском училище. Рассматриваются: размещение учащихся, бытовые условия и организация образовательного процесса. Приводится мнение военного министра о состоянии и качестве обучения. Анализируются выявленные в ходе визита упущения в работе школы и училища. Вторая часть статьи посвящена Иркутскому юнкерскому училищу.

**Ключевые слова:** Сибирский военный округ, Иркутский военный округ, Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса, Иркутское юнкерское училище, А.Н. Куропаткин, Восточная Сибирь, Забайкалье, Иркутск, русская армия, военное образование

**Для цитирования:** Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Часть 2. Иркутское юнкерское училище (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 112–126. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-112-126>

## The military-educational institution of Transbaikal in 1899.

### Part 2. Irkutsk Junker School (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin)

© Roman S. Avilov

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

**Abstract:** This article based on a large body of unpublished documents from the Russian State Military Historical Archive (RSMHA). The author analyzes the current situation in military-educational institution of Transbaikal in 1899. In that year, there was a visit of the War Minister of Russian Empire Aleksey N. Kuropatkin to Siberian Military District. That visit was of historic importance as it took place about 4 years prior the Russo-Japanese War of 1904–1905, and less than 7 months before the Siberian Military District mobilization in response to the Boxer Rebellion in China. Its purpose was personal acquaintance of the War Minister with the recently created Siberian Military District; specifically, evaluation of the actual state and combat readiness of the dislocated troops, data gathering to further develop defense plans and regional military reforms in Siberia. Traveling by Trans-Siberian Railway, Kuropatkin inspected troops of the largest Siberian garrisons in cities of Omsk, Tomsk, Kras-

noyarsk, Irkutsk, including military institutions and training schools (Irkutsk preparatory school of Siberian Cadet Corps, Irkutsk Junker School). As a result, deficiencies in the reserve troops' military training and mobilization readiness of the Siberian Military District were exposed, and an emergency plan created to correct them. In this article the most detailed descriptions of life end educational process in Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps and Irkutsk Junker School is first published. It has been described the placement, life conditions and organization of educational process and also the opinion of War Minister about both military-educational institution and the education level in it. It has been analyzed the failures in work of both schools, which were been found by the high guests. The second part of the article devoted to the Irkutsk Junker School.

**Keywords:** Siberian Military District, Irkutsk Military District, Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps, Irkutsk Junker School, Aleksey N. Kuropatkin, East Siberia, Transbaikal, Irkutsk, Russian Army, military education

**For citation:** Avilov R.S. (2021) The military-educational institution of Transbaikal in 1899. Part 2. Irkutsk Junker School (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 112–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-112-126>

Данная статья является второй частью работы по анализу состояния расположенных в Забайкалье и находящихся в юрисдикции Военного министерства военно-учебных заведений (Авилов, 2021) и логическим продолжением цикла материалов автора по истории поездки военного министра Российской империи генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина в Сибирь в 1899 году (Авилов, 2018; Авилов, 2019).

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что несмотря на то, что на смену знавшим, но никогда не писавшим об этой поездке советским исследователям (Бескровный, 1977; Бескровный, 1986; Зайончковский, 1973), пришло новое поколение сибирских и дальневосточных ученых, впервые указавших на сам факт ее существования (Авилов, 2018; Авилов, 2019; Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995. С. 109–110; Романов, Новиков, 2009. С. 91), вопросов об этом событии все еще остается больше, чем ответов. Данные о пребывании А.Н. Куропаткина в Сибирском военном округе по-прежнему не опубликованы, и, соответственно, не фигурируют в обобщающих работах по истории Сибирского и Иркутского военных округов (Авилов, 2014а; Авилов, 2014б; Копылов, Милюхин, Фабрика, 1995; Ращупкин, 2003), военно-окружной системы (Безугольный, Ковалевский, Ковалев, 2012), русской армии (Ульянов, Леонов, 1998), образовательного потенциала Российской империи, военно-учебных заведений Сибири (Астраханцев, 2010; Сапрыкин, 2009) и даже в биографии военного министра (Генерал Куропаткин..., 2018; Субботин, 2019).

Источниками, лежащими в основе этой статьи, послужили ранее не введенные в научный оборот материалы, собранные во время поездки в Сибирский военный округ в 1899 г. военного министра Российской империи А.Н. Куропаткина и выявленные автором в РГВИА. В первой части публикации было рассмотрено посещение Иркутской пригготовительной школы Сибирского кадетского корпуса (Авилов, 2021). Теперь же остановимся подробнее на состоянии Иркутского юнкерского училища и том впечатлении, которое оно оставило у министра и сопровождавших его лиц. Напомним, что поездка осуществлялась в целях личного ознакомления А.Н. Куропаткина с состоянием дел в Сибирском военном округе, оценки условий жизни и боеспособности дислоцировавшихся в нем войск, сбора материала для разработки планов дальнейших военных преобразований в Сибири, обороны азиатской части Российской империи. Передвигаясь по Транссибирской железной дороге, Куропаткин осмотрел войска крупнейших сибирских гарнизонов: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, различные учреждения военного ведомства, в том числе военно-образовательные (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 19; Авилов, 2018; Авилов, 2019).

На территории Забайкалья военным министром были осмотрены два военно-учебных заведения и оба в Иркутске 19 и 20 октября: Иркутская пригготовительная школа Сибирского кадетского корпуса – специальный осмотр и записи вел члсьющийся по гвардейской кавалерии полковник граф Г.А. Бобринский, и Иркутское юнкерское

училище – специальный осмотр и записи вел Генерального Штаба полковник Е.Г. Гарф. Кроме того, здания, в которых были расположены оба учреждения, тщательно проверил член Главного инженерного комитета, военный инженер полковник Л.И. Безрадецкий (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 58 об. – 62 об.; 72–73 об.; 87–94 об.).

Инициатива создания Иркутского юнкерского училища принадлежала командующему войсками Восточного Сибирского военного округа генералу от кавалерии Н.П. Синельникову. Ходатайствуя об его открытии, он указывал «на некомплект офицеров в частях войск округа и на громадный расход казны по командированию из этих частей вольноопределяющихся в Казанское юнкерское училище» (Иркутское военное училище, 1911. С. 26). Военный министр Д.А. Милютин просьбу удовлетворил, 6 мая 1872 г. Александр II утвердил положение Военного Совета и 31 мая того же года был отдан соответствующий приказ по военному ведомству. Но так как приказано было «к устройству... Иркутского Юнкерского Училища приступить не ранее как по изыскании необходимых средств к покрытию предстоящих расходов и в мере открывающихся средств», открылось оно только 20 сентября 1874 года. Изначально его программа предусматривала два класса: младший, с упором на общеобразовательные предметы, и старший, ориентированный на получение военных знаний, необходимых для командования батальоном (Высочайше утвержденное, 1872. № 50827<sup>1</sup>; ПВВ № 161 от 31 мая 1872 г.<sup>2</sup>; Иркутское военное училище, 1911. С. 26).

Училище было создано «для пеших и конных урядников, на 90 обучающихся», т. е. ориентировано на подготовку офицеров из числа казаков.

Пехотные юнкера и урядники должны были составить пеший взвод, а конные урядники – конный взвод (Высочайше утвержденное, 1872. № 50827<sup>3</sup>; ПВВ № 161 от 31 мая 1872 г.<sup>2</sup>). Однако уже в первом наборе было принято 39 вольноопределяющихся и всего 9 казаков, хотя последних по штату и предполагалось иметь  $\frac{2}{3}$  состава учащихся. В последующие три года принимали всего по 5 казаков, что объяснялось низким уровнем образования среди казачьего населения – большая часть желающих просто не могла выдержать вступительные испытания (ПВВ № 161 от 31 мая 1872 г.<sup>2</sup>; Иркутское военное училище, 1911. С. 26). И тогда в 1878 г. при училище был открыт приготовительный класс, который просуществовал до 1901 г. и выпустил 166 казаков из 208 принятых (ПВВ № 19 от 31 января 1878 г.<sup>4</sup>; Иркутское военное училище, 1911. С. 26).

К моменту визита А.Н. Куропаткина училищу уже приходилось принимать высокопоставленных гостей. В 1891 г. учебное заведение во время возвращения через Сибирь из путешествия посетил Цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II. На память он пожаловал училищу «Свой портрет с Собственноручной надписью». Примечательно, что если это мероприятие было отмечено в числе «выдающихся событий в жизни училища» в статье в «сытинской» военной энциклопедии, то о визите военного министра не было сказано ни слова (Иркутское военное училище, 1911. С. 26).

Иркутское юнкерское училище военному министру показывал его начальник Генерального Штаба полковник Михаил Иванович Хлыновский. Состав училища к моменту прибытия высокопоставленного гостя представлен в таблице. Все трое

<sup>1</sup> Высочайше утвержденное 6 мая 1872 г. положение Военного Совета, объявлено в приказе по военному ведомству 31-го того же мая «О преобразовании Иркутской Военной Прогимназии и об учреждении в Иркутске Юнкерского Училища» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. (ПСЗ РИ II). СПб.: 1872. Т. 47. № 50827.

<sup>2</sup> Приказ по военному ведомству (ПВВ) № 161 от 31 мая 1872 г. // Приказы по военному ведомству за 1872 г. СПб.: Военная типография, 1872.

<sup>3</sup> Высочайше утвержденное 6 мая 1872 г. положение Военного Совета, объявлено в приказе по военному ведомству 31-го того же мая «О преобразовании Иркутской Военной Прогимназии и об учреждении в Иркутске Юнкерского Училища» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. (ПСЗ РИ II). СПб.: 1872. Т. 47. № 50827.

<sup>4</sup> Приказ по военному ведомству (ПВВ) № 19 от 31 января 1878 г. // Приказы по военному ведомству за 1878 г. СПб.: Военная типография, 1878.

отсутствовавших на лицо (1 юнкер и 2 нижних чина) были больны.

**Таблица. Состав Иркутского юнкерского училища к 19 октября 1899 г.**

**Table. The state of Irkutsk Junker School to October 19, 1899**

	Офицеров	Юнкеров	Прочих нижних чинов
По штату положено	11	90	12
Ко дню смотра состоялось по списку	11	62	70
На лицо состоялось	11	61	68
Отсутствовало	0	1	2

Из 11 штаб- и обер-офицеров училища: 5 окончили военное училище, 6 – юнкерское. При этом из 8 обер-офицеров только 3 были из военных училищ, а остальные 5 человек – только юнкерское училище. В числе юнкеров состояло всего 62 человека: 43 – пеших (регулярных войск) и 19 – конных (в том числе 1 из Приморского драгунского полка, 16 – казаков Забайкальского войска и 2 – Амурского войска). Таким образом, после упразднения Забайкальских казачьих частей, пеших казаков в училище вообще не состояло, хотя по штату положено было иметь 30 юнкеров пехоты, 30 конных и 30 юнкеров пеших казачьих частей (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 58 об.).

Реформа по преобразованию 1-го и 2-го Забайкальских казачьих батальонов (пеших) в два конных казачьих полка, положение о которой было высочайше утверждено в 1896 г., на практике была реализована в 1897–1900 гг. Ее целью было, прежде всего, создание дешевой кавалерии. Но реформа изначально оказалась достаточно спорной. До стадии реализации дошел только второй ее проект, причем даже в официальной истории Забайкальского казачьего войска отмечалось, что реформа, хотя и была выгодна для казны и выполняема, но «ложилась тяжелым ярмом на казаков» (Авилов, 2015. С. 34–36; Будберг, 2017. С. 174; Васильев, 1918. С. 250–256).

Ударила она и по Иркутскому юнкерскому училищу, о котором при разработке и реализации

реформы вообще не подумали. В связи с этим его руководители оказались вынуждены принимать большее число юнкеров из пехотных частей, чтобы занять ими имевшиеся вакансии. В результате юнкера по классам распределялись следующим образом: 8 – в подготовительном классе (1 конный, 7 пеших), 19 – в младшем (11 конных, 24 пеших) и 35 – в старшем классе (7 конных, 12 пеших). Всего – 62 юнкера (19 конных и 43 пеших).

Из них полный курс того или иного учебного заведения (учительскую семинарию, ремесленную школу, городское училище) окончили 42 человека. Большинство – 4-х классные училища. Из оставшихся 20 человек часть получила домашнее образование, часть – «не кончили учебных заведений и держали экзамен на вольноопределяющегося» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 58 об.).

По возрасту юнкера распределялись следующим образом: 1 чел. достиг 31 года – закончил учебный унтер-офицерский батальон и состоял на обязательной сверхсрочной службе), 10 чел. – в возрасте от 23 до 30 лет, 20 чел. – 21 и 22 года, 31 чел. – в возрасте 20 лет и младше. В числе прочих нижних чинов в училище было всего 65 чел. Штатных: 5 музыкантов и 7 нестроевых (писарей и мастеровых); прикомандированных: 2 инструктора казака, 3 – инструктора пехотных, 15 – офицерской прислуги, 10 – казаков для ухода за лошадьми, 16 человек, прикомандированных из войск, взамен вольнонаемной прислуги, 7 портных, прикомандированных из войск временно на 6–7 месяцев (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 59).

Распорядок дня в училище был следующий:

«Встают в 6 час. утра.

От 6 до 7 час. уборка, осмотр, чистка винтовки.

В 7 час. утра – чай.

От 7 до 8 – приготовление уроков.

От 8 до 11 час. 20 м. – 3 лекции.

От 11 час. 20 мин. до 11 час. 50 м. завтрак.

От 12 до 1 часу (а некоторые дни по 2 час.) – лекции.

От 1 часу (или от 2 час.) до 3 ¼ – строевые занятия (гимнастика, фронт, стрелковое дело, фехтование, верховая езда 5 раз в неделю и танцы по вторникам в 2 часа).

От 4 до 4 ½ – обед.

От 4 ½ до 6 ½ – отдых, прием посетителей, пение и музыка.

От 6 ½ до 8 ½ – приготовление уроков.

От 8 ½ до 9 – гимнастика на машинах.

В 9 час. вечера – чай и поверка.

В 9 час. желающие могут лечь спать или готовить уроки до 11 час. В 11 час. обязательно всем ложиться спать.

Со двора юнкера увольняют 2 раза в неделю: по Средам – после обеда и по Воскресеньям – после обедни.

На ночь к родителям увольняются только на праздники Рождества и Св. Пасхи.

По Субботам обязательна баня» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 58 об.).

Знакомство высокопоставленных гостей с организацией и ходом классных занятий показало, что несмотря на все усилия начальства училища в его работе встречаются серьезные трудности, решить которые без вмешательства вышестоящих властей и увеличения финансирования было невозможно.

Как уже указывалось выше, программа училища была рассчитана на 3 класса: приготовительный, младший и старший. Первый был учрежден для того, чтобы лучше подготовить к прохождению остальных двух классов казаков, имевших более слабую подготовку, нежели прочие юнкера. Но поскольку казаков в училище поступало немного, то при безусловном следовании букве закона в приготовительном классе находилось бы всего 2–3 человека. При этом закрыть класс не представлялось возможным, так как этих казаков все-таки нужно было выучить. Училищное начальство вышло из положения, назначая в этот класс кроме казаков еще и таких юнкеров регулярных войск, которые оказались слабо подготовленными для слушания курса в младшем классе. Военного министра особенно порадовало, что «лишних расходов для казны эта мера не вызывает» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 59–59 об.).

В *приготовительном классе* юнкера проходили: закон Божий, русский язык, арифметику, алгебру, геометрию, географию и историю в объеме,

необходимом для поступления в младший класс юнкерского училища. Сверх того, изучалось топографическое черчение. В *младшем классе* из военных предметов изучали: тактику (до соединения 3-х родов оружия) и топографию (полный курс, кроме военных рекогносцировок), а из общеобразовательных предметов: закон Божий, русский язык, математику (решение задач по арифметике и алгебре; по геометрии – планиметрию и стереометрию), физику, географию и историю России. В *старшем классе*: тактику, топографию (повторение), фортификацию, сведения об оружии, военно-уголовные законы и иппологию (только для конных юнкеров), администрацию; из общеобразовательных предметов: закон Божий (история русской церкви) и русский язык (чтение наиболее замечательных произведений новейшей русской литературы).

«По заявлению Начальника училища затруднение при прохождении курса старшего класса заключается в том, что как пешие, так и конные юнкера соединены в одно отделение и второго училище открывать не имеет права, если в старшем классе состоит не более 35 юнкеров. Между тем по некоторым предметам (например, по фортификации) программы для пеших и конных юнкеров разные, или конные юнкера должны проходить такие предметы (напр. иппологию), которые не годятся пехотным юнкерам. Хотя это явление, конечно, нежелательное, тем не менее результаты экзаменов доказывают, что это затруднение не отражается неблагоприятно на подготовке юнкеров, хотя по заявлению начальника училища такой результат достигается с большим трудом для преподавателей», – отмечал полковник Е.Г. Гарф (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 59 об.).

Успехи юнкеров по классным занятиям были проверены непосредственно в присутствии А.Н. Куропаткина. В старшем классе (35 юнкеров) в это время читалась лекция по теории стрельбы. Курс изучался по учебнику генерал-майора Н.П. Потоцкого, издания 1897 г. (Потоцкий, 1897). С его начала успели прочитать 8 лекций, а еще 8 занятий «было употреблено на спрос юнкеров. Вызванный юнкер отвечал о рассеивании выстрелов,

причем ответ был осмысленный и видно, что он усвоил себе этот вопрос хорошо. Преподавателю было дано указание, что при чтении лекций следует руководствоваться знаниями юнкеров по математике и иметь ввиду, что большинство из них знают математику в пределах курса IV класса кадетского корпуса» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 59 об.).

При проверке знакомства с русской литературой выяснилось, что юнкера «довольно много читали новейших авторов и усвоили их сознательно». Например, Л.Н. Толстого (преимущественно «Войну и мир»), 8 чел. – И.С. Тургенева, 6 – И.А. Гончарова и 5 – Ф.М. Достоевского. «Времени для чтения в училище уделить почти невозможно, так как все свободное время уходит на приготовление уроков, и читают юнкера преимущественно в Августе месяце, в период между окончанием лагерного сбора и началом учебного курса» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 59 об.).

В младшем классе (19 юнкеров) была лекция по географии. К доске вызвали трех юнкеров, «которые дали весьма толковые ответы». В подготовительном классе (8 юнкеров) читалась лекция по истории. Всеобщую историю и историю России до удельно-вечевого периода здесь проходили по учебнику И.И. Беллярмина. «Было спрошено 3 юнкера: один по Истории Египта, другой – из Пунических войн и третий – о войне Англии с Трансваалем. Ответы были удовлетворительны и видно, что юнкера интересуются и новейшими событиями. Вообще состав юнкеров, в смысле их умственного развития, может быть признан удовлетворительным» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 59 об.– 60).

Сам А.Н. Куропаткин во всеподданнейшем отчете о поездке отмечал: «В классах присутствовал на уроках истории, географии и теории стрельбы. Ответы юнкера давали вполне удовлетворительные. Общее развитие весьма удовлетворительное. Многие читали новейших русских авторов и получили более или менее правильное понятие о выведенных этими авторами типах. Сравнительно с VII классом Томского реального училища, где я также присутствовал на уроках, юнкера старшего класса Иркутского юнкерского училища самостоя-

тельно читали больше и сознательнее. Юнкерам приходится уделять очень много времени на приготовление уроков». Там же был повторен вывод о том, что «юнкерское училище представилось от-лично» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 35 об.).

Куда хуже обстояло дело с преподавательским составом, организацией и материальным обеспечением учебного процесса: «Затруднение встречается при приискании преподавателей и приходится довольствоваться теми, какие имеются в Иркутске. Однако в пользу настоящего состава преподавателей нужно сказать, что они, по заявлению Начальника училища, не ограничиваются чтением лекций и опросом юнкеров на лекциях, а охотно помогают юнкерам, когда это нужно и во время приготовления уроков» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 60).

Военный министр предложил начальнику училища обсудить вопрос о введении в образовательном учреждении штатных преподавателей с хорошими окладами содержания, чтобы каждый из них читал лекции по 2–3 предметам. Например, преподаватель истории еще и лекции по географии, а математики – по физике. Для всех военных предметов А.Н. Куропаткин посчитал достаточным иметь одного учителя, а в качестве преподавателей посоветовал приглашать офицеров, прошедших курс Николаевской академии Генерального Штаба без дополнительного класса, «и эти офицеры вместе с тем могли бы быть и воспитателями».

Затем он предложил М.И. Хлыновскому обсудить вопрос о возможности преобразования Иркутского юнкерского училища в училище с военно-училищным курсом, что можно было бы осуществить путем добавления, кроме уже существовавшего, еще одного общеобразовательного класса. «Такая реорганизация училища представляется необходимой, дабы обеспечить войска Сибирского и Приамурского округов лучшим офицерским составом. Контингентом для этого будущего училища могли бы служить, кроме кадет Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов, еще молодые люди, поступающие в общеобразовательные классы училища» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 35 об., 60).

Мнение начальника училища об этом предложении отражения в документах о поездке не нашло, но известно, что в дальнейшем реформа пошла по другому пути. Очевидно лишь, что он воспользовался подходящим моментом и заявил военному министру, что финансирование, а значит и материально-техническое обеспечение, находят-

ся на столь низком уровне, что его недостаточно даже для нормальной организации учебного процесса в уже имеющихся трех классах. «По заявлению Начальника училища, – отмечал полковник Е.Г. Гарф, – таковое снабжено весьма скудно учебниками, в виду незначительного отпуска средств на этот предмет. На Канцелярию и учебники отпуска-

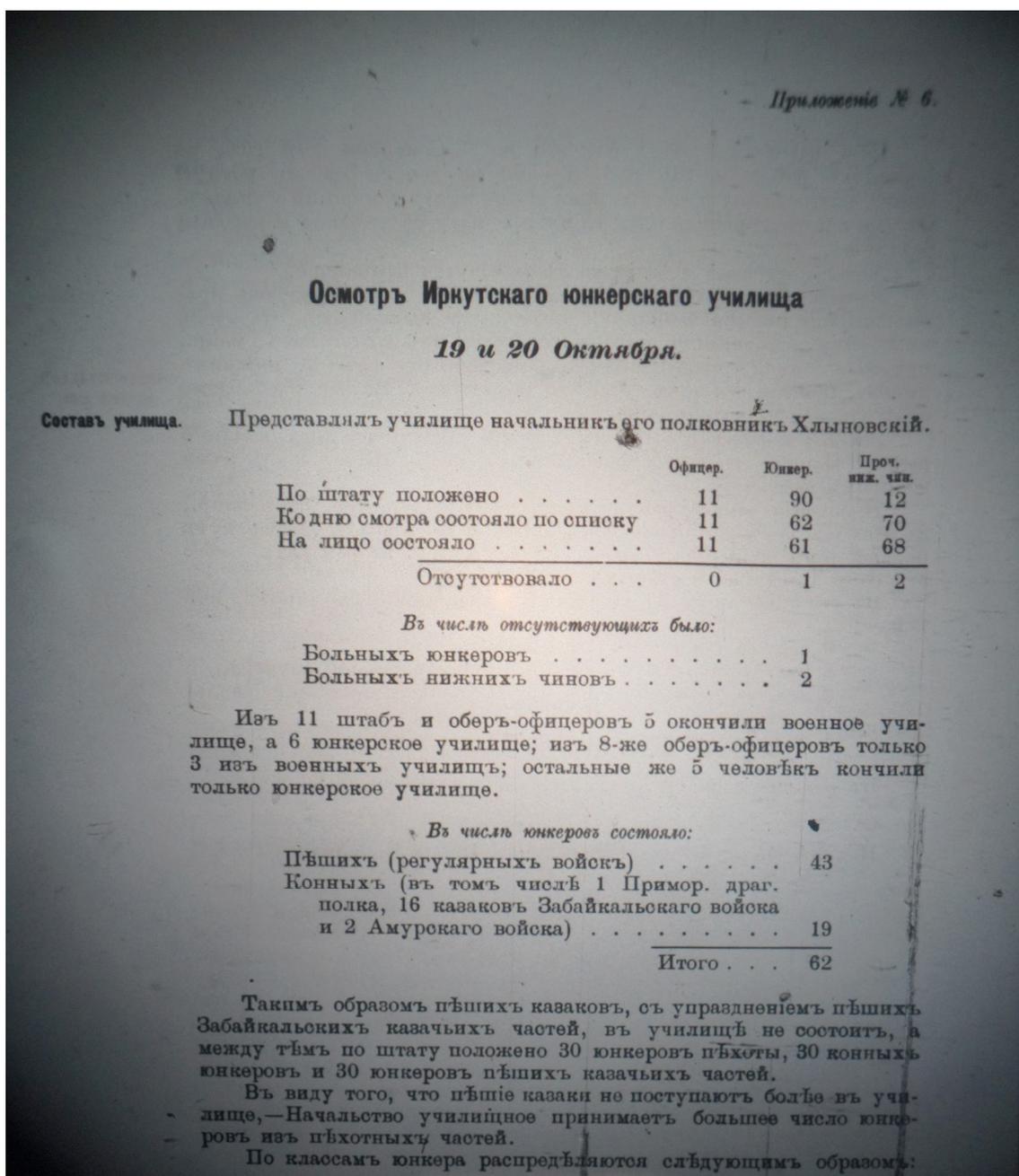


Рис. Приложение 6 всеподданнейшего отчета Военного Министра об осмотре войск, управлений, учреждений и заведений Сибирского военного округа в 1899 г. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 58 об.). Публикуется впервые  
Fig. Addendum No 6 of the most devoted report of War Minister about the inspection of troops, directorates, administrations and institutions of Siberian Military District in 1899 (RSMHA. Collection 400. Record 1. File 2617. Sheet 72). First published

ется всего 500 рублей в год (по 250 рублей на ту и другую часть), а расходуется ежегодно около 1.200 рублей, причем около 700 рублей доплачивается из хозяйственных сумм.

Учебники по общеобразовательным предметам имеются по одному на каждого юнкера, за исключением Истории русской литературы, коей всего 20 экземпляров на 35 юнкеров; что же касается книг по военным предметам, то таковых далеко не хватает на каждого, а именно: на 35 юнкеров приходится всего 10 учебников Администрации, 20 учебников по военно-уголовным законам; уставы имеются всего по одному на каждых 2 юнкера.

Изучение артиллерии затруднено потому, что нет ни одного образца орудия и современных иностранных ружей; военно-походного телеграфа Гершельмана и телеграфное дело изучается конными юнкерами лишь теоретически; для решения тактических задач очень мало досок с изображением рельефа и местных предметов.

Библиотека в последнее время почти вовсе не пополняется, за неимением средств. В настоящее время она состоит из 4.345 томов; сверх того, имеется ротная библиотека, которая пополняется из артельной суммы; в данное время в этой библиотеке состоит до 200 томов. В училищную библиотеку выписывается ежегодно журналов и газет на сумму около 100 рублей. Из газет: Русский Инвалид, С.-Петербургские Ведомости, Русские Ведомости, Неделя и Восточное Обозрение. Из журналов: Исторический Вестник, Вестник Европы, Русская Мысль, Педагогический Сборник, Разведчик и Военный Сборник» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 60–60 об.).

Впрочем, по тем направлениям программы, где представлялось возможным дать юнкерам не только теоретические, но и практические знания, преподавательским составом делалось все возможное, и молодые люди показали себя с лучшей стороны. При проверке строевой подготовки ружейные приемы делались пешими юнкерами чисто и правильно, установка прицела была вполне усвоена, выправка и маршировка – хорошие.

Полковник Е.Г. Гарф обратил особенное внимание на подготовку юнкеров старшего класса в

качестве учителей. «Двое были вызваны для обучения ружейным приемам и четверо – для обучения шеренги. Обучение ружейным приемам показом и рассказом усвоено еще не вполне удовлетворительно; точно также из вызванных для обучения шеренги только двое сделали дело хорошо; остальные двое оказались слабее». Объяснялось это тем, что этот отдел (инструкторский) проходится в старшем классе с начала учебного года до 1 января, а потому подготовка в середине октября, когда приехали столичные гости, и не могла быть вполне удовлетворительна. Шашечные приемы конные юнкера делали «не достаточно спокойно, равно как и ружейные приемы, особенно зарядание и стрельбу – слишком много шума и порывистых движений. Прицелы ставить умеют. Маршировка и выправка конных юнкеров хороши» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 60 об.).

Для обучения верховой езде в училище имелось 30 верховых лошадей местной породы. Осмотр показал, что содержали их хорошо («в хороших телах»), но много лошадей старых (14 лет и старше), поскольку ремонт производился неправильно. Седельные уборы были исправными. Езда юнкеров как шагом, так и рысью оказалась хорошей – только один неправильно держал уздечку; «юнкера старшего класса сидят в седле крепко».

Твердые навыки продемонстрировали юнкера и в гимнастике. «Лазанье по наклонной лестнице производилось удовлетворительно; несколько слабее оказались конные юнкера и некоторые юнкера младшего класса. Лазанье по шестам и канатам проделывалось всеми очень хорошо. Упражнения на параллельных брусьях делались правильно; конные юнкера неправильно садятся. Прыганье в ширину производилось хорошо и правильно. При прыганьи в вышину неправильно выносили руки. Через кобылу прыгали очень хорошо, особенно юнкера конного взвода; из юнкеров младшего класса только 4 не могли сразу перепрыгнуть» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 60 об.).

Генерал-адъютант А.Н. Куропаткин констатировал: «Строевая подготовка юнкеров как конных, так и пеших вполне успешна. Гимнастику на машинах юнкера делали отлично. В манеже конные юн-

кера представились хорошо; сидят в седле прочно. Лошади местные, хорошо содержанные; есть лошади старые – более 14 лет; конское снаряжение содержится в порядке и такового имеется два полных комплекта» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 35 об.).

Порадовало его и знание юнкерами сведений, обязательных для каждого рядового. Сведения по сборке и разборке, сбережению и чистке винтовки были усвоены всеми прекрасно. По Уставу гарнизонной службы и дисциплинарному ответу давались хорошие и лишь несколько слабее были ответы казаков. Ответы по Уставу внутренней службы давались очень хорошие всеми юнкерами (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 60 об.).

Впечатления от занимаемых училищем помещений у свиты министра остались двойственные. Военный инженер полковник Л.И. Безрадецкий зафиксировал множество недостатков с инженерно-технической точки зрения: «Жилые помещения училища занимают 3 здания, одно из них каменное; при них находятся каменные: манеж, конюшня, баня и прачечная, цейхгаузы и кузница; отдельные службы в деревянных зданиях. В главном размещены юнкера довольно удобно и просторно, замечены же следующие недостатки:

- 1) карцера холодны, маломерны и, безусловно, непригодны для пользования; 2) нет удобного помещения для приемного покоя; ныне же занимаемая для этого комната расположена у лестницы, между классами, что, конечно, лишает приемный покой спокойствия; 3) существующие отхожие места расположены внизу в полуподвальном помещении, неудобны для пользования вследствие возможности проникания испорченного воздуха по прилегающей к ним внутренней лестнице; у входа в отхожее место расположена наружная дверь для выноса ведер с нечистотами. Необходимо озаботиться устранением проникания через эту дверь наружного воздуха на лестницу, для чего следует установить вторую плотно запирающуюся дверь; 4) нет отдельного отхожее места для учителей.

В отношении хозяйственных построек надлежит отметить отсутствие погреба для картофеля и другой провизии [для зимнего хранения. – Р.А.] и

маломерность прачечной с теми же недостатками как и прачечная приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса. Баня же вполне удовлетворительна, необходимо лишь снабдить ее скамейками для раздевания и полочками для белья.

Конюшни удовлетворительны, но существующие деревянные полы не соответствуют существующим на сей предмет указаниям; нет кормушек, что объясняется тем, что лошади их быстро уничтожают. Манеж хорош, но мал, не более как на один вольт.

Двухэтажное деревянное здание, занимаемое нижними чинами, канцелярией и швальней, очень ветхо и неблагоустроено. На его восстановление ассигновано 2.500 руб., но к работам не приступлено. При выполнении последних необходимо, помимо приведения здания в порядок, устроить вторую лестницу.

При осмотре начальником училища было заявлено два ходатайства: первое – относительно устройства при кузнице слесарной с горном и второе – о перестройке здания, занимаемого его квартирой. Последнее маломерно, вследствие чего и занимаемая им квартира по площади совершенно не соответствует предусмотренной Положением, всего 30 кв. саж., вместо 50 кв. саж. Оба эти ходатайства признаются вполне уважительными.

Все здания школы [т. е. училища. – Р.А.] содержатся в порядке и чистоте; желательна была бы лучшая окраска полов и более тщательная вставка зимних переплетов» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 92 об.–93).

Самое удивительное, что тот же полковник Л.И. Безрадецкий был вынужден констатировать, что, несмотря на очевидные недостатки, здания, занимаемые Иркутским юнкерским училищем и Приготовительной школой Сибирского кадетского корпуса, наряду с казармами Красноярского и Омского резервных батальонов, были лучшими военными зданиями в Сибирском военном округе (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 94).

В свою очередь полковник Е.Г. Гарф обратил внимание, что, несмотря на недостатки, помещения училища использовались в высшей степени рационально и бережно. Юнкера размещались в

двухэтажном каменном здании. На верхнем этаже находились: дежурная комната, приемная, библиотека, рекреационный зал, околоток на 8 кроватей и 4 спальни. Все помещения оказались очень чистыми, просторными и содержались в большом порядке. Вентиляция была устроена посредством форточек, «коих имеется достаточное число, и сеток в форточках». В спальнях приходилось более 1½ куб. сажени воздуха на человека. Для каждого юнкера имелась железная кровать с хорошим матрасом и деревянный шкафчик, где он хранил свои вещи и книги. Осмотренные шкафчики содержались «в большом порядке».

Околоток, как оказалось, использовался мало, поскольку при нем имелся лишь один фельдшер и юнкера поступали туда только до прибытия врача, а затем отправлялись в Иркутский госпиталь. В день осмотра во всем училище было лишь 3 больных: 1 юнкер (сифилисом) и 2 нижних чина из училищной команды.

На нижнем этаже размещались: гимнастический зал, музыкальная комната, физический кабинет, комната для хранения учебников и съемочных инструментов, 4 классных отделения, (из которых одно свободное, так как в текущем году по составу юнкеров было открыто только 3 отделения), столовая, кухня, умывальная и курительная комнаты и отхожее место. Все помещения содержались очень чисто и были достаточно просторными, за исключением классной комнаты старшего класса. В ней на 35 юнкеров приходилось всего 23 куб. сажени воздуха. «Отхожее место устроено хорошо с 10 выносными ведрами – запаху в нем не было ни малейшего».

Кроме этого каменного здания, «на дворе имеется двухэтажное деревянное здание, неудовлетворительное и небезопасное в пожарном отношении, ибо для сообщения между этажами устроена узкая деревянная лестница. Здание ветхое и содержать его в порядке весьма трудно». На нижнем этаже размещались: училищная канцелярия, оружейная мастерская и хлебопекарня, причем помещения были холодными. На верхнем этаже размещались швальня и училищная команда (65 нижних чинов).

Цейхгаузы (казначейский, фуражный и оружейный) просторны и находились в большом порядке. Манеж – несколько мал для езды смены в 19 человек и темен. Конюшня содержалась в порядке. Имелась в училище и кузница с двумя горнами, в которой юнкера обучались ковке лошадей. Сначала их учили делать подкову, а затем ковке «на мертвой ноге», которую начальник училища с текущего года собирался заменить на живых лошадей. Баня – «чистая, но несколько тесна; может поместить не более 20 человек. Прачечная чистая, но очень тесная; не устроено помещение для сушки белья. Погреб для капусты и картофеля достаточно просторны и содержатся очень чисто, но для хранения продуктов зимою не годятся, ибо слишком холодный» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 61).

Во всеподданнейший отчет вошла лишь часть этих сведений. Отмечалось, что главное каменное здание «содержится в большом порядке и чистоте и юнкера размещены очень хорошо», двухэтажное деревянное здание во дворе «очень ветхое, с плохой вентиляцией и содержать его в порядке очень трудно. Для постройки, взамен его, нового здания уже ассигнованы деньги», «манеж несколько тесен и темный», «конюшни хороши», а «прочие хозяйственные здания хороши и содержатся в полном порядке» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 35).

Начальник училища жаловался, что установленный отпуск на освещение «слишком недостаточен», особенно с учетом того, что цены на керосин в Иркутске поднимались иногда до 18 коп. за фунт. В результате, на освещение училищу приходилось использовать часть хозяйственных сумм» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 61).

Хозяйство училища складывалось из продовольственного и вещевого обеспечения, организованного следующим образом. Артельным заведовал сотенный командир, а в помощь ему поочередно назначались взводные офицеры. Артельщиком выбирался один из юнкеров, который и закупал все продукты. Кашевар назначался из команды нижних чинов. Для наблюдения за порядком на кухне ежедневно один из юнкеров наряжался дежурным по кухне.

Мясо получали не от подрядчика, а закупали сами. В 1899 г. оно обходилось в 3 руб. за пуд. Училище вообще не имело подрядчика на поставку мяса, считая более выгодным покупать его у местных торговцев, между которыми шла конкуренция. Капуста заготавливалась на всю зиму и в 1899 г. её было припасено 200 ведер. Ведро обошлось около 65–70 коп. Своих огородов училище не имело. Запас картофеля сделан в 400 пудов (по 40 коп. за пуд). Остальные продукты приобретались по мере необходимости. Цены были примерно следующими: яйца 3–5 руб. сотня, масло – 26 коп. за фунт, сахар – 19–20 коп. за фунт, соль – 80 коп. за пуд.

Приварочных денег отпускалось по 16,04 коп. в день на каждого юнкера, а продовольствие обходилось около 20 коп. в день.

В суточном рационе юнкера получали:

«В 7 часов утра котлету из ½ фунта мяса и чай с 1 куском сахару.

В 11 ч. 20 м. чай с одним куском сахару и ½ фунтом белого хлеба.

В 4 часа обед: суп с ½ ф. мяса (порция весит от 22 до 26 золотников), гречневую кашу и ½ фунта тушеного мяса с подливкою.

В 9 часов вечера чай с 1 куском сахару и ½ фунтом белого хлеба.

Чаю дают сколько угодно.

Сверх того, к обеду, завтраку и чаю дают черного хлеба столько, сколько юнкера желают, но более 2 фунтов в день никто из них не съедает» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 61 об.). Мясо принималось дежурным по батальону офицером.

В первые два дня осмотра училища пища была очень хорошо приготовлена. В столовой чисто. Все юнкера имели тарелки («местного приготовления из особой глины»), мельхиоровые ложки, вилки и ножи с металлическими ручками. «Перед обедом юнкера прекрасно пели молитву». Хлебопечение было хорошо организовано непосредственно в училище, и хлеб выпекался очень вкусный. Провиант получали из Иркутского продовольственного магазина, причем «гречневая крупа отпускается всегда очень хорошая; мука же, по заявлению Начальника училища, не всегда бывает хороша;

иногда попадает затхлая и с песком» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 61 об.).

Что касается вещевого довольствия, то для пеших и конных юнкеров оно заметно различалось. На каждого пешего училище получало те же предметы обмундирования, готовые вещи и амуничные деньги, которые положены были для нижних чинов войсковых частей. Сверх того, училище получало от соответствующих частей войск на каждого юнкера: в первый год его пребывания в училище по 58 руб., а в последующие – по 20 руб. Из этих материалов и денег училище снабжало каждого юнкера 4 мундирами и шароварами, 3 шинелями, 2 папахами и 2 фуражками. Годовые вещи и амуничные деньги выдавались юнкерам на руки, и они обязаны были завести себе белье и сапоги «собственным попечением». Постельное белье и одеяла заготавливались училищем.

Ко дню смотра у всех юнкеров старшего класса было указанное количество обмундирования. Юнкера же младшего класса имели всего по 2 мундира и шаровар (3 и 4-го сроков), по одной шинели (3-го срока) и по 1 фуражке и папачке (2-го срока). Недостающую до полного комплекта мундирную одежду предполагалось дошить к Рождеству. Белья у юнкеров было «в изобилии, а именно: от 6 до 12 пар рубашек и подштанников, от 6 до 8 носовых платков, по 4 полотенца и от 8 до 12 пар портянок или носков. Все заклемено училищными клеймами. Беднейшим юнкерам училище заготавливает белье на свои средства, но все оно составляет полную собственность юнкеров». Сапог от юнкеров требовалось иметь на менее 2 пар и ко дню смотра у всех они были. Снаряжение в училище имелось и мешковое, и ранцевое, но носить предпочитали именно ранцы. На всех юнкеров было по 2 комплекта снаряжения, которое содержалось отлично. Белье юнкера меняли 2 раза в неделю по средам и субботам, а простыни и наволочки – раз в неделю, по субботам. Стиралось белье в училищной прачечной.

Проведя тщательный осмотр юнкеров полковник Е.Г. Гарф констатировал, что их обмундирование отлично пригнано и прекрасно сохранилось. Клейма и подписи поставлены правильно. У всех

юнкеров были крестики, чистое белье, чистые портянки и чистые ноги (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 61 об.–62).

Вещевое довольствие конных юнкеров было устроено по-другому. Поскольку казаки состояли на службе «на собственном иждивении», то и вещевое довольствие они должны были заготавливать за свой счет. Поэтому конные юнкера были заметно беднее обмундированием, нежели пешие. Тем не менее, каждый юнкер имел по 2 мундира и шаровар (у одного оказалось даже 3 мундира), по 2 шинели (у двоих было по 3 шинели); по второй папахе не было только у 4 юнкеров, но фуражки имелись только по одной.

Мундирную одежду юнкера заказывали у частных портных, но сшита она была вполне однообразно, поскольку за этим следил взводный офицер. «Мундирная одежда очень хорошо сохранилась и только 1 мундир был с тесным воротником. Фуражки несколько более поношенные», – отмечал Е.Г. Гарф. Белья у конных юнкеров имеется достаточно – по 6 смен, но есть и такие юнкера, у которых имеется по 12 смен белья. У некоторых были и шерстяные фуфайки. Сапог у всех оказалось по 2 пары вполне исправных. «Конные юнкера также представились отлично, были чисто одеты и у всех имелись крестики» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 62).

Проверка показала, что у всех юнкеров были в наличии записные книжки и велись они «совершенно правильно. Юнкера знают хорошо, что в книжках записано». Большую часть собственных денег юнкера хранили в денежном ящике училища и лишь немного денег имелось у них на руках. Многие юнкера довольно часто получали письма с деньгами и притом по 25–30 руб. (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 62–62 об.).

Естественно, что в училище заодно провели и ревизию финансовой отчетности. Впрочем, с учетом характера финансирования учебного заведения, проверка поставила в неудобное положение скорее ревизоров, чем его начальника. По денежному журналу к 20 октября 1899 г. числилось: хозяйственной суммы – 2162 руб. 8 коп., экономического капитала – 4002 руб. 42 коп., ремонтного ка-

питала – 313 руб. 18 коп., капитала по ремонту зданий – 319 руб. 3 коп., собственных денег юнкеров – 564 руб. 51 коп., переходящих сумм – 2070 руб. 96 коп. Всего – 9432 руб. 18 коп. Денежный журнал велся правильно и все поступления и расходы вносились в соответствии с приказами по училищу.

«При этом Начальник училища заявил, что училище бывает поставлено иногда в затруднительное положение, вследствие несвоевременного отпуска Интендантством приварочных денег. Так, за сентябрьскую треть получена только часть приварочных денег в Октябре месяце. Оказывается, что заведующий интендантской частью в Иркутске удовлетворяет училище лишь жалованьем; все же остальные виды денежного довольствия отпускаются окружным Интендантским управлением (Омск). Точно также не определены еще окружным управлением цены на фураж на годовой период с 1 Ноября 1899 г. по 1 Ноября 1900 г., вследствие чего нельзя требовать аванс на фуражное довольствие. Между тем настоящее время самое благоприятное для приобретения фуража, но таковой не может быть заготовлен за неимением денег» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 62 об.).

Хуже ситуация оказалась с ротной книгой. По ней к 30 октября 1899 г. числилось: артельной суммы – 415 руб. 86 коп. (в том числе запас артельной суммы – 125 руб.), образной – 41 руб. 11 коп., раздаточной – 13 руб. («не выдано денежное письмо юнкеру, находящемуся в госпитале»). Всего – 469 руб. 97 коп. «Ротная книга ведется неправильно, а именно: в отделе артельной суммы на страницах расхода записывается не действительный расход, произведенный на продовольствие, а сумма аванса, полученная согласно приказу по училищу; это неправильно, ибо при таком порядке по ротной книге нельзя судить сколько действительно израсходовано на этот предмет. В раздаточном отделе не все денежные письма записаны и в статьях расхода не сделана ссылка на статьи общего отдела ротной книги». Впрочем, подобного рода недочеты в делопроизводстве были в империи делом обычным.

«Вообще же, – как отмечал полковник Е.Г. Гарф, – Иркутское юнкерское училище представилось в отличном виде» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 62 об.), причем этот вывод был полностью повторен военным министром А.Н. Куропаткиным в итоговом всеподданнейшем отчете, который лег на стол императору Николаю II. Более того, в «общих выводах» этого документа было указано: «Иркутское юнкерское училище представилось в отличном виде. Для обеспечения всех войск Сибирского и Приамурского военных округов лучшим офицерским составом представляется крайне желательным преобразовать юнкерское училище в училище с военно-училищным курсом. Для этого представляется необходимым прибавить еще один класс и иметь, следовательно, в училище два общеобразовательных, в которые могли бы поступать вольноопределяющиеся из войск, и два специальных класса, в которые переводились бы юнкера из общих классов и поступали бы кадеты из Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2617. Л. 39 об.).

Основным результатом пребывания военного министра А.Н. Куропаткина в стенах Иркутского юнкерского училища и общения с его начальником М.И. Хлыновским стала подготовка и реализация масштабной реформы этого учебного заведения. Она была призвана ликвидировать совершенно нездоровую ситуацию, когда после реформы Забайкальского казачьего войска поступление пеших казаков в училище практически прекратилось, и начальство вынуждено было занимать казачьи вакансии юнкерами из пехотных частей.

#### Библиографический список

Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Ч. 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. № 1. С. 182–194.

Авилов Р.С. Дальневосточное казачество в конце XIX в. в воспоминаниях барона А.П. Будберга // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 2. С. 28–41.

Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014а. № 12. С. 26–32.

Боксерское восстание, мобилизация войск Сибирского и Приамурского военных округов и Китайский поход 1900–1901 гг. отодвинули реформу училища всего на год. Уже в 1901 г. оно было преобразовано в 3-классное Иркутское пехотное юнкерское училище, с штатным составом в 100 юнкеров с 1 сентября 1901 г., «с допуском юношей всех сословий со стороны». К этому же сроку казачий отдел Иркутского юнкерского училища был переведен в Оренбургское казачье юнкерское училище «с тем, чтобы с указанного срока юнкера Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск направлялись впредь в последнее училище» (ПВВ № 197 от 14 июня 1901 г.<sup>5</sup>; Иркутское военное училище, 1911. С. 26).

Таким образом, проблема избытка казачьих вакансий при хроническом недоборе казаков была в училище решена, а система подготовки офицерских кадров приближена к реальным нуждам Сибири и Забайкалья. Впоследствии училище (с 1909 г. – Иркутское военное училище) только увеличивало наборы и повышало качество образования, сыграв выдающуюся роль в деле подготовки офицерских кадров и укомплектования ими сибирских воинских частей накануне и в годы Русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой 1914–1918 гг. войн.

<sup>5</sup> Приказ по военному ведомству (ПВВ) № 197 от 14 июня 1901 г. // Приказы по военному ведомству за 1901 г. СПб.: Военная типография, 1901.

#### References

Avilov R.S. (2021) The military-educational institution of Transbaikal in 1899. Pt. 1. Irkutsk Preparatory School of Siberian Cadet Corps (based on material of visit of Aleksey N. Kuropatkin). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 1. P. 182–194. (In Russ.)

Avilov R.S. (2015) The Far Eastern Cossacks in the end of the XIX century in Baron A.P. Budberg's opinion. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Ecumene. Regional researches*. No. 2. P. 28–41. (In Russ.)

Avilov R.S. (2014a) Irkutsk Military District (1884–1899, 1906–1918): pages of history. *Voенно-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine*. No. 12. P. 26–32. (In Russ.)

Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // Мир политики и социологии. 2019. № 4. С. 157–176.

Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2. № 3. С. 7–20.

Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2014b. № 7. С. 15–21.

Астраханцев О.Н. Военно-учебные заведения Сибири (1813–1917 гг.). Иркутск: ООО «Форвард», 2010. 178 с.

Безугольный А.Ю., Ковалевский Н.Ф., Ковалев В.Е. История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М.: Центрполиграф, 2012. 463 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Наука, 1977. 615 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века. М.: Наука, 1986. 238 с.

Будберг А.П. Сибирские воспоминания / ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. Р.С. Авилова, Н.Б. Аюшина, В.И. Калинина. Владивосток: Общество изучения Амурского края – Приморское краевое отделение Русского географического общества, 2017. 434 с.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. В 3 т. Чита: Тип. Войск. Хоз. Правления Забайкальского казачьего войска, 1918. Т. 3. 348 с.

Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография. СПб.: Фонд «Университет», 2018. 370 с.

Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М.: Мысль, 1973. 351 с.

Иркутское военное училище // Военная энциклопедия. Т. 11. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911. С. 26.

Копылов В.А., Милыхин В.П., Фабрика Ю.А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917). Новосибирск, 1995. 246 с.

Потоцкий Н.П. Сведения об оружии. По программе юнкерского училища. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. 403 с.

Ращупкин Ю.М. Иркутский военный округ во второй половине XIX – начале XX века: формирование, специфика и деятельность. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. 207 с.

Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX в.). Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2009. 352 с.

Avilov R.S. (2019) The 1899 visit of the War Minister Gen. Kuropatkin to the Siberian Military District and its results. *Mir politiki i sotsiologi = World of politics and sociology*. No. 4. P. 157–176. (In Russ.)

Avilov R.S. (2018) The visit of the War Minister Aleksey N. Kuropatkin to the Siberian Military District in 1899. *Severnye arkhivy i ekspeditsii = Northern archives and expeditions*. Vol. 2. No. 3. P. 7–20. (In Russ.)

Avilov R.S. (2014b) Siberian Military District (1899–1906): pages of history. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military-History Magazine*. No. 7. P. 15–21. (In Russ.)

Astrakhantsev O.N. (2010) Military-educational institution in Siberia (1813–1917). Irkutsk: Forward. 178 p. (In Russ.)

Bezugol'nyi A.Yu., Kovalevskii N.F., Kovalev V.E. (2012) The history of military-district system in Russia. 1862–1918. Moscow: Sentrpolugraph. 463 p. (In Russ.)

Beskrovnyi L.G. Russian Army and fleet in XIX century (1977). Moscow: Nauka. 615 p. (In Russ.)

Beskrovnyi L.G. (1986) Russian Army and fleet in early XX century. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.)

Budberg A.P. (2017) Siberian Memoirs. Vladivostok: Society for Studies of Amur Region – Primorsky Regional Department of the Russian Geographical Society. 434 p. (In Russ.)

Vasil'ev A.P. (1918) Transbaikal Cossacks. Historical essay. In 3 vol. Chita: The publishing of force economy department of Transbaikal Cossacks Forces. Vol. 3. 348 p. (In Russ.)

(2018) General Kuropatkin – State and Military Leader of the Russian Empire. 170th Anniversary of his Birth. Collective monograph. St. Petersburg: Foundation “University”. 370 p. (In Russ.)

Zaionchkovskii P.A. (1973) Autocracy and the Russian Army in the late XIX– early XX century. Moscow: Mysl'. 351 p. (In Russ.)

(1911) Irkutsk Military School. *Voennaya entsiklopediya = Military Encyclopedia*. Vol. 11. St.Petersburg: I.D. Sitin Publ. Company. P. 26. (In Russ.)

Kopylov V.A., Milyukhin V.P., Fabrika Yu.A. (1995) Siberian Military District: first pages of history (1865–1917). Novosibirsk. 246 p. (In Russ.)

Pototskii N.P. (1897) Weapon's information according to the program of Junker School. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publ. Company. 403 p. (In Russ.)

Rashchupkin Yu.M. (2003) Irkutsk Military District in 2<sup>nd</sup> part of XIX – early XX century: creating, particularity and practice. Irkutsk: East-Siberian Institute of Russian Ministry of Internal Affairs. 207 p. (In Russ.)

Romanov G.I., Novikov P.A. (2009) Kossaks of Irkutsk (2<sup>nd</sup> part of XVII – early XX century). Irkutsk: Terra Irkutsk. 352 p. (In Russ.)

Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.

Субботин Ю.Ф. «Дела на Дальнем Востоке могут привести нас к конфликту с Японией» // Армия и флот в геополитических интересах России. М.: Институт Российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 145–182.

Ульянов И.Э. Леонов О.Г. Регулярная пехота 1855–1918. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 288 с.

#### Сведения об авторе

**Авилов Роман Сергеевич,**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,  
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,  
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,  
главный библиотекарь Научной библиотеки,  
Дальневосточный федеральный университет,  
690095, г. Владивосток, ул. Алеутская, 65-б, Россия,  
✉ e-mail: avilov-1987@mail.ru

#### Заявленный вклад автора

Р.С. Авиллов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

#### Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.**

#### Информация о статье

Поступила в редакцию 7 декабря 2020 г.  
Поступила после рецензирования и доработки 8 февраля 2021 г.  
Принята к публикации 24 февраля 2021 г.

Saprykin D.L. (2009) Educational potential of Russian Empire. Moscow: IJET RAN. 176 p. (In Russ.)

Subbotin Yu.F. (2019) "The matters in the Far East may lead us to a conflict with Japan". *Armiya i flot v geopoliticheskikh interesakh Rossii = Army and Navy in geopolitical interests of Russia*. Moscow: Institute of Russian History RAS, Center of Human Initiative. P. 145–182. (In Russ.)

Ul'yanov I.E., Leonov O.G. (1998) Regular infantry in 1855–1918. Moscow: AST-LTD. 288 p. (In Russ.)

#### Information about the author

**Roman S. Avilov,**

Cand. Sci. (History), Senior Researcher,  
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,  
89, Pushkinskaya street, Vladivostok 690001, Russia,  
Chief Librarian of the Scientific Library,  
Far Eastern Federal University,  
65b, Aleutskaya street, Vladivostok 690095, Russia,  
✉ e-mail: avilov-1987@mail.ru

#### Contribution of the author

R.S. Avilov carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

#### Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

**The author has read and approved the final manuscript.**

#### Article info

Received December 7, 2020.  
Received February 8, 2021.  
Accepted February 24, 2021.